

УДК 94(437)"18"

**«ОРЕЛ» А. С. ХОМЯКОВА И СИМВОЛЫ СЛОВАЦКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ XIX ВЕКА****Т. Ивантышинова**

В процессе формирования современных наций в Центральной Европе важную часть национальной идеологии составляли символы. При их создании наряду с историческими личностями и событиями важным источником вдохновения была природа и ее отражение в народной словесности (например, образы хищных птиц с Татранских гор). Символ орла чаще всего воспринимался как славянский феномен. Особой популярностью у словаков в первой половине XIX в. пользовалось стихотворение славянофила А. С. Хомякова «Орел», в котором поэт обращался к полуночному орлу (России), чтобы тот не забывал о своих младших братьях. Впервые стихотворение было опубликовано словацким поэтом Яном Колларом, но в дальнейшем оно было изъято из текста. Однако призыв русского поэта остался в памяти словаков и распространялся в списках. Тема «орла» рефреном отразилась в литературном приложении к Словацкой национальной газете (1845–1847), получившем название «Орел Татранский». На титульном листе приложения была помещена цитата из «Орла» Хомякова, ставшая его девизом. Многочисленные исследователи, исходя из этого, делали вывод о том, что издание находилось под влиянием идей Хомякова. Однако анализ содержания литературного приложения не подтверждает этой идейной близости. Символ татранского орла до сих пор воспринимается как национальный символ словаков. Важную роль в этом сыграл «Орел Татранский» Л. Штура, символизирующий формирование национальной идентичности словаков. Славянофилы оставили яркий след в развитии словацкой культуры XIX в. не только в поэзии (Хомяков был наиболее часто переводившимся русским поэтом того времени), но и в философии, религиозном мышлении, истории. «Полуночный орел» Хомякова был символом, который, несомненно, способствовал возникновению и расширению «русофильства» в словацком обществе. В конце XIX века преобладавшая ранее восточная ориентация культурной и политической элиты словацкого общества изменилась. «Северный орел» утрачивает свою когда-то мобилизационную общественную роль и постепенно вытесняется из сознания словаков.

Ключевые слова: Словацкая национальная идеология, символы, А. С. Хомяков, Я. Коллар, Л. Штур, «Татранский орел».

Благодарность: статья переведена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Ивантышинова Т. «Орел» А. С. Хомякова и символы словацкого национального движения XIX века // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 65–78.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-65-78

Возникновение современных наций в Центральной Европе в конце XVIII столетия сопровождалось огромными изменениями в их общественной, политической,

социальной и культурной жизни. Процесс утверждения национальной идентичности, решающий для успешного завершения становления наций, в многоэтнической Габсбургской монархии был особенно сложным. Отожествление собственных интересов с интересами национального целого и создание национальной сплоченности предполагало использование средств, вызывающих у представителей этноса эмоции, образный ряд, чем собственно и были мифы, символы и легенды¹.

Процесс формирования современной нации у словаков проходил подобно таким же процессам у других наций региона, но вместе с тем он отличался определенной спецификой. Она состояла в том, что словаки представляли собой национальное меньшинство в Венгрии, обладали неполной социальной структурой, и находились в сложной языковой ситуации. Если сравнивать словаков с другими нациями Габсбургской монархии (чехами, венграми, хорватами), то у них отсутствовала историко-правовая традиция, поэтому при формировании их национального самосознания такую большую роль играли символы и мифы.

Символ может являться предметом, явлением или живой реальностью, если представляет собой общую абстрактную идею. Его действие в обществе обусловлено тем, что «все признают его за признак определенной абстрактной действительности». И хотя символы и знаки использовались в истории человечества в древности, в процессе формирования современных наций функции мифов принципиально изменились. Символ становится важным средством интеграции этнического целого, функции которого состоят в преодолении социальных, региональных, культурных, конфессиональных различий внутри этого общества. Он помогает создать позитивный образ собственной нации и выделить его на фоне образов других наций, воспринимаемых критически. При создании национальных символов по большей части были использованы уже существующие исторические и культурные реалии, которые либо приспосабливали к новым условиям, либо их создавали более или менее целенаправленно².

Набор символов был весьма пестрым. Это могли быть личности и события, связанные с историей, природа (горы, скалы, реки, животные, растения), а также предметы быта и произведения культуры – стихи, гимны и т. п., типичные для данного этноса. Именно у словаков многие национальные символы были связаны со словацкой природой, особенно татранской (вершина Кршивань, татранский орел).

Создание национальных символов Д. Шкварна характеризует как длительный процесс, который шел по мере укрепления принципа современных наций. Он считает, что этот процесс не закончен, так как и «сегодня структура символов преобразуется, а функции приспособляются к формам общения и развлечения, ментальности, политической культуре и стереотипам, техническим возможностям и другим явлениям современности» [2, s. 11].

Не все символы сохранились в этническом сознании общества. Часто вскоре после своего возникновения некоторые из них утрачивали свое значение и важность для национального коллектива. Большая часть оставались как бы «потенциальными» символами (Д. Шкварна). Но определенная часть символов преодолела пласт веков

¹ Символы имеют способность противостоять изменениям, обеспечивая общественную стабильность и непрерывность. Тем, что они упрощают действительность, обозначая ее знаковыми понятиями, они отделяют существующее целое от окружения, усиливая его гомогенность и идентичность [1, s. 234–235].

² Подробнее о создании словацких национальных символов см.: [2].

и осталась постоянной частью национальной идеологии. В XX веке большинство национальных символов использовались в политических целях, диаметрально противоположных первоначальному гуманистическим идеалам национального движения.

Использование словацких национальных символов Д. Шкварна разделил на четыре временных отрезка. Символы, возникавшие в конце XVIII в., в основном исходили из исторической традиции, особенно это происходило в первые десятилетия XIX столетия. Самые известные национальные символы, которые стали неотъемлемой частью национального сознания, возникли в 1830–1840 гг. В революционные 1848–1849 годы родились геральдические символы словаков, составляющие основу их государственности до сих пор [2, с. 83–100].

Национальным символом словаков орел стал в 40-х гг. XIX века. Как признак величественности и вольности он уже и раньше являлся частой темой словацкого фольклора. Местом его природного обитания были горы в северной Словакии. Поэтому орел чаще всего связывался именно с Татрами, еще одним национальным символом словаков. В процессе этноидентификации словаков Татры служили важным символом как противопоставление венгерской равнине, как северный бастион Словакии, ограничивавший простор от севера к югу, до реки Дунай, воспринимавшийся как национальная территория словаков¹.

Татранский орел свое место среди словацких символов сохранил, хотя одно время популярен был сокол. До сих пор горный орел считается одним из наиболее важных национальных символов².

В 1830–1840-е годы, во время наиболее интенсивного создания и распространения национальных символов часто происходило объединение нескольких символов для усиления их эмоционального воздействия. Наиболее выразительным в сознании словаков стало слияние символов Татр и орла в названии литературного приложения к Национальной газете Штура – «Орел Татранский»³.

* **

«Орел славянский» в «Путешествии...» Коллара

На обороте титульного листа второго года издания «Орла Татранского» Штур поместил девиз на русском языке «Орел!... Славянских братьев не забудь!» Орел, который имеется в виду в этой стихотворной строчке, происходит из стихотворения Алексея Степановича Хомякова⁴ и олицетворяет собой Российскую империю (символом которой являлся двуглавый орел, в литературе получивший название северного или полуночного)⁵.

¹ Татры в ранних работах просветителей обозначались как прародина словаков. Территорию Словакии представители национального возрождения XIX в. считали центром возникновения всех славянских наречий [2, с. 33–34].

² Это подтверждают интернет-страницы. На сайте Bird.watching.sk автор статьи о хищных птицах (горном орле) пишет, что он является «национальным символом Словакии».

³ Издавалось в 1845–1848 годы.

⁴ Поэзия А. С. Хомякова в то время была одной из наиболее любимых у западных славян. Некоторые стихотворения, например «Ключ», которое Штур позднее опубликовал под названием «Колодец», он знал еще до встречи со Срезневским и оценивал их с точки зрения «чисто славянского духа». Некоторые исследователи считают, что с творчеством Хомякова словаков первым познакомил О. М. Бодянский, который побывал в Венгрии в 1838–1839 годы [3, с. 102; 4, с. 130].

⁵ Об истории создания Хомяковым «Орла» подробно писали: [5, с. 668–681; 3, с. 91–118]. Частично этой теме касались и другие исследователи в обзорных работах о словацко-русских отношениях (П. Г. Богатырев, Л. С. Кишкин, Г. В. Рокина и др.) и в монографиях [4, с. 130; 6, с. 447, 465].

В Словакии это стихотворение стало известно благодаря Яну Коллару. Он услышал его от Измаила Ивановича Срезневского во время их встречи в Загребе в 1841 году. Текст стихотворения под названием «Орел славянский» он включил в свою книгу «Путешествие по горной Италии» (1843) [7, с. 32]. Копия стихотворения Коллара в некоторых местах отличается от первоначального текста Хомякова¹. Эти различия вскоре стали основой нередко противоречивых суждений. В. А. Францев, например, предположил, что Срезневский в Загребе прочитал «Орла» по памяти, а текст стихотворения уже потом переписал для него латиницей².

Стихотворение Хомякова пленило Коллара смелым призывом к «полуночному орлу» (северному орлу, т. е. к России), чтобы она поддержала поработанных славян. В этом стихотворении он видел отражение своих идей славянской взаимности, именно поэтому он и напечатал это стихотворение под названием «Орел славянский». Для словаков «Орел» Хомякова стал символом надежд, которые они питали весь XIX в. о том, что дождутся помощи от северной империи. «Орел» Хомякова имел в контексте восприятия русской поэзии у словаков особое значение. Он оказал сильное влияние на политическую интерпретацию поэзии, так как в конце 1830-х годов концепции славянофилов распространялись в философской и культурной среде. Это стихотворение нашло отклик в небольшой части русской общественности, но вызвало подозрения у властных кругов³. То обстоятельство, что это стихотворение в то время не было опубликовано в России, а распространялось в списках⁴, обеспечивало «Орлу» характер сенсационности.

Изъятие «русского стихотворения» из «Путешествия...» Коллара, скорее всего, было вызвано необходимостью обойти цензуру. Первоначальных экземпляров «Путешествия...» сохранилось мало, а действительную причину изъятия стихотворения в отредактированной версии мало кто знал. В обществе преобладало мнение, что издание «Путешествия...» в 1843 г. вмешалась цензура. Эта точка зрения вскоре появилась и в историографии. Но в новом издании «Путешествия...» в избранных произведениях Коллара (Прага, 1862) была восстановлена первоначальная версия книги [9].

Из словацких историков темой «Орла» Хомякова до сих пор никто специально не занимался⁵. Лучшая ситуация сложилась в словацком литературоведении. В обзорных работах о русско-словацких литературных связях Э. Панова подробно рассматривала влияние поэзии А. С. Хомякова на словаков и особенно его стихотворения «Орел» [11; 12]. Большой интерес тема восприятия поэзии А. С. Хомякова западными славянами вызывала в российской историографии. В монографии об А. С. Хомякове (1902), например, В. З. Завитневич написал, что стихотворение «Орлы» (так у Завитневича – *Т. И.*) впервые вышло в Австрии в одном из славянских изданий, вследствие чего оно было тут же приостановлено⁶. Более осторожное отношение к вопросу цензуры занял М. Н. Петровский. Он обратил внимание на различия

¹ «Орла славянского» Коллара (на кириллице) приводит в своей работе М. Н. Петровский, указывая на отличия от оригинала Хомякова [5, с. 679].

² Вполне возможно при посещении Будапешта в мае 1842 года [3, с. 102–103].

³ Копии «Орла» Хомякова распространялись в петербургском обществе в конце 1830-х годов. В письме семье Срезневский упоминал об отрицательной реакции на стихотворение царского двора [8, с. 42–43].

⁴ На это Коллар обратил внимание в отредактированной версии «Путешествия...» [7, с. 32].

⁵ О роли В. А. Панова в распространении «Орла» Хомякова среди штуровцев писал В. Матула в рецензии на издание писем И. Францева (Т. 1, 2) // [10, с. 132–133].

⁶ Цит. по: [5, с. 673].

в вариантах «Путешествия...», но он прокомментировал это таким образом, что вскоре после издания книги страницы со стихотворением «Орел» были *перепечатаны* и заменены другим текстом [5, с. 680]. О вмешательстве цензуры с текст Коллара был уверен, например, В. А. Францев. Он написал, что в Пеште «предусмотрительная цензуры подрезала ножницами ему (т. е. Орлу) крылья» [3, с. 105]. Точка зрения Францева повлияла на многих историков, которые, скорее, в рамках исследований русско-славянских культурных связей XIX в., занимались этой проблематикой: М. Ю. Досталь в монографии об И. И. Срезневском и Г. В. Рокина в монографии о Яне Колларе и другие.

Оба варианта «Путешествия...» Коллара (первоначальный и отредактированный) вышли в первой половине 1843 г. в Пеште. Первоначальный текст всего в нескольких экземплярах сохранился в библиотеках Братиславы и Праги. Пражский экземпляр «Путешествия...» Коллара держал в руках в межвоенный период В. А. Францев. Автором текста, заменившего «Орла», Францев считал Коллара, но думал, что это было сделано по приказу цензуры [3, с. 104].

Оба варианта «Путешествия...» Коллара имел в своем распоряжении и М. Н. Петровский, который опубликовал их в своей работе. Изменения в исправленной версии он считал делом Я. Коллара, дополнения были вызваны полученной от И. И. Срезневского информацией [5, с. 680].

При более подробном исследовании доступных источников словацкого происхождения выяснилось, что точка зрения о вмешательстве цензуры в публикацию Я. Коллара не подтвердилась. Согласно сохранившимся свидетельствам Коллар без каких-либо проблем получил разрешение на публикацию своей книги и часть тиража (с «Орлом» Хомякова) была напечатана. Во многом виновником того, что исправленная версия книги вышла без «Орла» Хомякова стал молодой русский славянофил Василий Алексеевич Панов, как именно это произошло, он не сообщает. Но именно из-за него Штур узнал о стихотворении. Последовала лавина критики со стороны шуторовцев, что и вызвало изменения в публикации книги. Долгое время считалось, что вторая версия издания – «подцензурная», но теперь видно, что это не так.

Об издании «Путешествия...» Коллара Панов оставил нам свидетельство в своих письмах в Россию [13]. «Путешествие...» вышло из печати 14 марта 1843 г. за день до его отъезда из Пешта. По его словам, напечатанные экземпляры Коллар хранил дома, так как не имел права «пустить их в продажу раньше, чем через месяц». Перед отъездом Панова Коллар дал ему два напечатанных экземпляра: «один для передачи Уварову для Академии», а второй для него. Коллар взял с него обещание, что он никому не расскажет об издании книги. Особенно это касалось Штура, так как отношения между ними были очень натянутые. По пути в Вену Панов на день остановился в Пешпурке (Братиславе). Несмотря на обещание, он показал «Путешествие...» Штуру. В письме матери он сообщил, что «обещание я однако ж не в силах был в полной мере исполнить» [13, с. 114]. Волнение, которое стихотворение «Орел» вызвал среди шуторовцев, описал Ян Францисци в письме к Аугусу Гориславу Шкультеты (21. 03. 1843). Он удивился тому, что Коллар опубликовал в своей работе русское стихотворение «Орел» «дословно, но латиницей». Он написал, что оно пропитано «ужасным и явным панрусизмом», и удивительно, что Коллар «включил это стихотворение». По словам Францисци, Штур высказался в том смысле, что в книге есть вещи, «за которые Коллара могут посадить

в тюрьму, а все словаки подвергнутся опасности»¹. Он сообщал Шкультеты о том, что Штур написал Коллару «тактично, но правдиво», что отрывок со стихотворением надо перевести, а текст стихотворения «к черту» выбросить [14, s. 208–209]. Неизвестно «сделает это Коллар или нет», – прокомментировал Францисци.

Коллар, вероятно, после негативной реакции шуруповской молодежи, понял, какие последствия может иметь публикация стихотворения, и изъял «Орла» из книги.

Стихотворение, которое можно было охарактеризовать как «панславистское», представляло собой большой риск. И менее спорные стихотворения нередко становились причиной репрессий с венгерской стороны. На своеволие цензуры Штур, например, жаловался А. Х. Шкультеты (23 апреля 1843 г.), что та же самая «быстрицкая» цензура «сначала разрешила “Путешествие...” Коллара», а на второй год запретила издание альманаха «Нитра» [15, s. 349]. Разрешение цензора на издание «Путешествия...» Коллара (с «Орлом» Хомякова), учитывая тогдашние строгие предписания, было скорее исключением. Словацкий историк литературы Я. М. Мишианик объяснял это позитивным отношением цензора к словацким культурным начинаниям².

Для изъятия «Орла» Штур имел еще один конкретный и очень убедительный довод. Он не мог допустить, чтобы «Путешествие...» Коллара поставило под угрозу издание политической газеты, ходатайство о разрешении на которую он только что подал³.

Символ орла в «Орле Татранском»

Тема орла постоянно присутствовала на страницах «Орла Татранского» весь период его издания. Наиболее ярко это проявлялось в первый год издания, когда стихи с образом орла выходили чуть ли ни в каждом номере.

В национальном фольклоре орел всегда являлся олицетворением вольности, независимости, слияния с природой (Татрами). В романтической поэзии орел чаще всего воспринимался как символ свободы. Особо важную роль орлу придавала национальная символика. В национальной борьбе за освобождение орел стал прообразом всего словацкого народа⁴.

В поэзии, посвященной теме орла, часто повторяется мотив «пробуждения орла» и его освобождения от «заклятия». Орел у шуруповских поэтов тесно связан с Татрами (со святым Криванем). Он являлся новым динамичным элементом национальной мифологии и означал активизацию национального сообщества⁵. «Королевскому орлу ни одна “живая душа не может запретить” свободно летать», – пишет Б. Носак в стихотворении «Татранский орел». Побудить его к тому, чтобы он заступился за словаков, смогла молодая словацкая генерация. Поэт подчеркивал «дух» и «мобильность» шуруповской молодежи, но она все-таки обращалась к орлу, чтобы он помог ей в ее замыслах. Поэт высказал желание, чтобы орел поднял словаков «из праха» и «низины» и унес их «к свободным вершинам гор» [17. Roč I. Č. 3. (25 klasňa/ augusta). 1845]. Очень часто в поэзии такого рода орла в его победном

¹ Цит. по: [14, s. 208–209].

² «Словацко-славянское сознание Тиллеша хорошо известно (он дал разрешение на публикацию «Путешествия...» Коллара)» [16, s. 345].

³ Словацкая национальная газета выходила в 1845–1848 гг. на шуруповском словацком языке с литературным приложением «Татранский орел».

⁴ У некоторых авторов образ орла сливался даже с личностью Людовита Штура.

⁵ Это «круги словацкой молодежи», / Которые новую жизнь под Татрами начинают, / Которые бьются за славу народа и короля / И последнюю каплю крови своей отдадут» [17. Roč I. Č. 3. (25 klasňa/ augusta). 1845].

полете над Татрами сопровождают черные тучи, молнии и гром, символизирующие врагов словацкого народа, которым он должен противостоять.

Сознание единства словаков было одним из наиболее важных посланий, которые в штурмовской поэзии орел мог принести своему народу. Полет орла над Криванем Б. Носак обозначает как демонстрацию «словацкого единства». Пусть видят землю «Татрами окруженную, / Которая стоит как крепость несломленного единства» [17. Roč I. Č. 3. (25 klasňa/ augusta). 1845].

Большинство стихотворений в журнале «Орел Татранский», посвященных теме «орла», связано с Татрами и со Словакией. В них проявляется гордость за словацкую землю, ее способный и трудолюбивый народ. Мы встречаем в них и «полет орла к славянским братьям, но это второстепенный мотив такого рода поэзии¹.

Словацкий, славянский или русский орел...

На обороте титульного листа «Орла Татранского» во второй год его издания была приведена уже упоминавшаяся цитата из стихотворения Хомякова. Штур текст немного изменил. Он оставил первоначальное название «Орел», а строчку «Ты младших братьев не забудь» исправил на «Славянских братьев не забудь!». Имя автора стихотворения с оглядкой на цензуру не приводилось. Текст стихотворения имел среди словацких образованных людей достаточно широкое хождение (в списках), поэтому имя автора стихотворения и не требовалось приводить. Происхождение названия литературного приложения к «Словацкой национальной газете» – «Орел Татранский» многие исследователи ведут от «Орла» Хомякова. Однако не очень-то правдоподобно, чтобы Штур название журнала выбрал из стихотворения Хомякова. Безусловно, решающей была связь символа орла со словацкой фольклорной и литературной традицией. Стихотворение, с которым связана цитата в «Орле Татранском», является призывом Хомякова «к полуночному орлу славян (то есть к России), чтобы она не забыла своих младших братьев. Он напоминает ей, что угнетенные славяне, «закованные братья», ждут, чтобы северный орел «распростер свои крылья как объятья» над их слабой главой. Орел должен был их утешить в «рабской ночи» и «насытить их пищей духовных сил». В заключение поэт высказывал надежду, что придет время, когда молодые орлы подрастут и «разобьют наши цепи»².

Славист А. Н. Пыпин вскоре написал об «Орле» Хомякова, что в нем была целая программа будущего освобождения [славян – *Т. И.*], от которой потом наша панславистская поэзия не отступала» [19, с. 308].

Пыпин понял то, чем заинтересовал Хомяков западных и южных славян. Его призыв к орлу (т. е. России), чтобы она поддержала борьбу славян за национальное освобождение, был в 1839 г., когда возникло стихотворение, лишь образом. В это время славянофилы являлись небольшой группой интеллектуалов без особого влияния на общественную жизнь. Их идеи объединения славян во властных кругах воспринимались с неохотой, влияние в русском обществе стало возрастать лишь

¹ Например, в стихотворении Яна Тобиаша Ланхофера «К орлу», в котором автор приветствует татранского орла, есть и упоминание о другом «быстрокрылом» орле, который летает от берегов моря к Балканам. «Приветствую, Орел, такой долгожданный, / приветствую, Орел Татранский, / Ты Бог для словаков, данный королем, / Приветствуй же нашего славянского гостя! / Как и ты летает орел быстрокрылый / От берегов моря к Балканам, / Так и ты летай долгие годы...» [17. Roč I. Č. 9. (3. Velkého Rijna /októbra. 1845)]. Подразумевал ли поэт под «быстрокрылым орлом» Орла Хомякова из контекста недостаточно ясно.

² Цит. по: [18, с. 33].

после Крымской войны. Стихотворение «Орел» было опубликовано в газете Ивана Аксакова «Парус» в 1859 году. Газета проводила русские национальные интересы и открыто выражала поддержку славянам.

Первые контакты славянофилов со словаками в 1840-х годах, хотя не выходили за рамки культурных, немецкой и венгерской печатью объявлялись «панславистскими». Эта широко распространенная точка зрения о политическом контексте русской активности в Габсбургской монархии не могла не влиять на отношение словаков к России. Известную цитату из стихотворения Хомякова в «Татранском Орле» можно было понимать и как политическое кредо Штура. Содержание литературного приложения, однако, не свидетельствовало о том, что на первом плане у издателя были политические цели, ориентированные на Россию. «Орел Татранский» в первую очередь стремился к национальному сплочению общества, усилению позиций шуруповского словацкого языка¹. Целенаправленная национальная политическая программа словаков зародилась лишь в ходе революции 1848–1849 годов. А представления об отношении словаков к России, которые возникли в 1850-е гг., были скорее иллюзиями, чем попытками реальной политики. Переоценка политических амбиций словаков в отношении к России в середине XIX в. не отвечала реальности. Это касалось и стихотворения Хомякова «Орел». Стихотворение сыграло позитивную роль при формировании словацкого «русософильства» в XIX в., но все-таки видеть в нем прототип поэзии, посвященной символу орла в словацкой литературе, как это делают некоторые словацкие историки, представляется неправомерным². Символом свободы, к которому прибегали шуруповские поэты, был словацкий орел, чаще всего татранский орел, по другим источникам, также сокол. Возможно, некоторых из них мог воодушевить «Орел» Хомякова, но содержание их произведений отличалось от русского образца. Ни одно из произведений, опубликованных в «Татранском орле», не содержало упоминания о русском («полуночном») орле³. Для них орел был прежде всего символом Словакии и словаков. Его призывали, чтобы он возвысил свой народ к лучшей свободной жизни. Идея славянской взаимности, славянского единства когда-то была действительно связана с поэзией, вдохновляемой символикой орла. В славянской рубрике «Орла Татранского» была в основном разнообразная информация о славянских братьях, но славянская тема в публикуемой поэзии была представлена слабо.

В большей степени стихотворения с тематикой орла, в которых ярко проявлялась тема славянства, славянского единства, сохранились в рукописном виде. Например, два стихотворения Петра Келлнера-Гостинского – «Орел» и «Татранский орел» (1846–1848). Их обнаружил словацкий историк литературы П. Вонгрей в Литературном архиве Словацкой национальной библиотеки в Мартине вместе с другими

¹ После принятия шуруповского варианта словацкого языка все еще использовались и другие варианты письменного языка (бермолаковщина, так называемый старословацкий). Шуруповский словацкий язык полностью утвердился лишь после реформ 1851 г.

² «Мотив орла в этом стихотворении на несколько десятилетий стал определяющим символом словацкой литературы, благодаря известному приложению шуруповской Словацкой национальной газеты Орлом Татранским» [20, s. 28–29].

³ Русские темы в «Татранском Орле» появлялись достаточно редко. Об истории России писал, например, Штур в обзоре европейской истории. Лично русскому императору Петру I была посвящена статья Повесть о Петре Великом [17, гош. III, ч. 80/ 1847, S. 639; гош. III/1848, ч. 88, s. 703].

незнакомыми или забытыми произведениями первой половины XIX в. и опубликовал их в сборнике поэзии словацких романтиков [22, s. 60–63].

Не прямо символики орла касалось сообщение в «Орле Татранском» о выходе нового болгарского журнала [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 262–263]. В сообщении говорилось, что в Лейпциге Иванчо Андреев Богоров стал издавать «в славянском духе» новый болгарский журнал. «Он будет родственником нашему “Орлу Татранскому”, – говорилось в комментарии «Орла Татранского», – так как называется “Болгарский орел” и будет свои крылья простирать от Балкан до Черного моря» [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263]. Во время своих визитов в Прагу Богоров вращался в чешских национальных кругах и встречался с Вацлавом Ганкой. Он мог тогда познакомиться с текстом «Орла» Хомякова и откликами на это стихотворение в Чехии, как это предположил В. А. Францев¹. Символ орла был в 1840-е годы настолько распространен в литературе западных славян, что мог быть взят откуда угодно.

Из информации о «Болгарском Орле», опубликованной в «Орле Татранском», известно, что журнал отстаивал национальные интересы болгар (его целью являлось поддерживать «язык и веру»)². Помимо политических и экономических сообщений журнал публиковал материалы по культуре, уделял внимание вопросу организации болгарских школ, информировал о новых болгарских книгах и т. п. [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263]³. К сообщению о выходе «Болгарского Орла» редакция «Татранского Орла» прибавила следующий призыв: «И мы призываем каждую словацкую душу, которая беспокоится о жизни братьев на Балканах, чтобы она протянула им руку помощи и племенной взаимности» [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263]⁴.

Хомяков – Пушкин

В статье, посвященной личности А. С. Хомякова, Светозар Гурбан Ваянский написал, что словаки узнали его очень быстро – «по крайне мере немного и по некоторым стихотворениям». По его свидетельствам, он нашел много выписок из «Орла и Звезды» [23]. Он объяснял это тем, «что Хомяков им ближе, чем другие, например, Пушкин». Он называл Пушкина поэтом «сладких звуков» в отличие от Хомякова, который, по его словам, был «поэтом идей», так как легче «одушевить идею», чем «насладиться звуком» [23].

Восхищение западных славян Хомяковым и недооценка Пушкина удивляли и обескураживали многочисленных русских путешественников. В. А. Панов, например, в письмах матери сообщал, что Коллару Пушкин не нравился, так как он «в нем ничего не нашел, что касалось бы других славян, а не русских»⁵. Это положение ярко охарактеризовал А. Н. Пыпин, когда написал, что для западных славян русская

¹ «Орел Татранский « и «Болгарский Орел» были, по мнению Францева, «без сомнения» названы «в память “Орла” Хомякова» [3, с. 110]. Никаких подтверждений этой точки зрения нет.

² «Нам надо показывать, что мы христиане, что мы славяне, братья других славянских народов» [17, I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263].

³ Полное название журнала звучало так: «Болгарский Орел. Вестник гражданский, торговый и библиотечный». Это был первый болгарский журнал. Вышли только три номера – 20 апреля, 20 сентября 1846 г. и 1 января 1847 года.

⁴ Похвально о «Болгарском Орле» отзывались и «Словацкие взгляды» Гурбана: «Он представляет статьи в духе образованного славянского письма» [23, s. 44].

⁵ И к тому же удрученно добавил: «И он предпочитал не Пушкина, а Хомякова, который написал слабые стишки, призывающие к общему союзу» [13, с. 108].

поэзия говорила «языком Хомякова» [19, с. 308]. Они ожидали от нее «одни выражения симпатии, одни воззвания против несправедливого гнета... одно возвеличание будущей славянской победы и нового славянского царства на земле» [19, с. 308].

Поэзия А. С. Хомякова притягивала словацких будителей (одинаково и Я. Коллара и Л. Штура) своим гражданским звучанием. В Словакии она долго являлась «центром внимания», как об этом пишет словацкая русистка Э. Панова, так как была «типологически близка части лирики передовых представителей словацкой поэзии» [12, s. 72]. В России лирика такого типа, в отличие от Словакии, была побочным явлением. Словацким поэтам Хомяков был близок уже тем, что, как и они, исходил из философских построений немецкого романтизма.

По мнению Пановой, интерес словаков к русской поэзии сосредоточивался преимущественно на так называемой «немецкой школе» русского романтизма, представленной не только славянофильской поэзией А. С. Хомякова, но и частью Пушкинской поэзии¹, в которой отражалась гражданская позиция. Демократический характер словацкой литературы и провозглашение гражданского значения искусства приближали словаков к творчеству русских декабристов, которые тоже вышли из немецкого романтизма [12, s. 74]. Поэзию с общественным звучанием в Словакии предпочитали до конца 1870-х годов, это проявилось и в переводах русской литературы².

Первым стихотворением Хомякова, переведенным на словацкий язык, было «Вдохновение» (1832) в переводе Яна Калинчака, а опубликовано оно было в 1851 году. Перевод представлял собой прозаический текст, к которому Калинчак присоединил русский оригинал. Имя автора не приводилось [11, s. 153–154]. Это стихотворение перевел еще в 1840-х годах Андрей Сладкович (Браксаторис). Оно вышло в его «поэтических письмах» в 1861 году. Оба поэта узнали о творчестве А. С. Хомякова во время учебы в Германии от славянофилов В. А. Елагина и Д. А. Валуева³.

Интерес к поэзии А. С. Хомякова усилился в Словакии в начале 1860-х годов, увеличилось количество опубликованных переводов его стихотворений. Это было результатом изменившегося политического и общественного положения после падения Баховского абсолютизма. В этой ситуации, по словам Э. Пановой, имя Хомякова перестает быть одиозным, как раньше, когда Калинчак при переводе стихотворения «Вдохновение» даже не приводил имя автора [11, s. 179]. Опустил ли Калинчак имя автора из опасений цензуры, неизвестно. Другие авторы, например Микулаш Догнаны в «Орле Татранском», таких излишних опасений не испытывали. Пристальное внимание к Хомякову в тогдашнем обществе, о чем пишет Э. Панова, могло быть обусловлено опасениями вмешательства цензуры в публикацию «Путешествия...» Коллара из-за «Орла» Хомякова⁴.

¹ Стихотворения Пушкина «Пророк», «Поэту», «Клеветникам России», «К морю», «Песнь о вещем Олеге», введение к поэме «Медный всадник» [12, s. 72].

² Из одиннадцати любовных стихотворений А. С. Пушкина, переведенных на словацкий язык в этот период, были опубликованы лишь два, остальные остались в рукописном виде. В то же время были напечатаны 25 стихотворений Хомякова в переводе на словацкий язык [12, s. 74].

³ Калинчак в своих воспоминаниях (О литературе и людях. Братислава, 1949) писал, что при их посредничестве они заказывали книги из Москвы. Хомяков им вскоре выслал свои драматические произведения и «еще около 60 своих небольших стихов бесплатно» [24, s. 54].

⁴ О публикации стихотворения «Орел славянский» в «Путешествии...» Коллара пишет в своей монографии Э. Панова [11, s. 142–144], но она не приводит информацию о возможном запрете цензуры.

Важные сведения о Хомякове были помещены в «Орле Татранском» в 1847 г. в рецензии на поэтическое произведение Сладковича «Марина» [17.9.3.1847, s. 453]. Автор рецензии Микулаш Догнаны поместил достаточно критические комментарии к произведению Сладковича, но в целом оценил его произведение как выдающееся. По его мнению, это было «в действительности славянское, написанное в христианском духе стихотворение» [17.9.3.1847, s. 453]. При этом в качестве примера Догнаны приводил Хомякова¹, у которого христианское внимание к славянству он ставил выше, чем у Коллара². Он подчеркивал, что Хомяков в отличие от Коллара «упоминает Россию, которая не выделяет свои размеры и победы, и не связывает с этим свои надежды, так как это все преходяще и может измениться»... Он цитирует стихотворение в русском оригинале (не приводя названия) – Россия была избрана за ее покорность, преданность и простоту Всевышним выполнить миссию «Хранить для мира достояние / Высоких жертв и чистых дел: / Хранить племен святое братство, / Любви живительный сосуд, / И веры пламенной богатство, ...» [17.9.3.1847, s. 453]. Это отрывок из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1840)³.

Тот факт, что Догнаны подчеркивал в поэзии Хомякова его миссионерские идеи, означает, что в Словакии они находили положительный отклик. Они имели влияние в основном на творчество словацких «миссионеров» (Сама Богдана Гробоня, Михала Мирослава Годжу, Петра Келлнера-Гостинского и других). Их первые произведения появились в 1840-е годы, а полностью их творчество развивалось уже в 50–60-е годы XIX столетия. В словацком романтизме они представляли собой скорее второстепенное ответвление⁴, их произведения мало публиковались, некоторые из них вышли лишь в XX и XXI веках⁵.

В 1880-е годы волна интереса к поэзии славянофилов в Словакии спала. Оживление началось лишь в конце XIX в. В 1896 г. в «Словацких взглядах» («Slovenských pohľadoch») были опубликованы несколько стихотворений Хомякова в переводе на словацкий язык, и среди них и «Орел», ранее известный лишь в русском оригинале. Его перевел Мартин Браксаторис, сын Андрея Браксаториса (Сладковича) [26, s. 535].

Когда Ваянский написал Хомякову, что нашел в мартинской библиотеке списки его «Орла» в фондах людей, которые никогда не занимались русской литературой, тем самым он отразил реальность, что для многих из них «северный орел» был не литературным, а политическим символом. Он сыграл большую роль в сознании словаков именно в 1840-е годы, когда славянская взаимность являлась составной частью формирования национальной идентичности. Символ словацкого (татранского) орла однако никогда не сливался с «русским орлом», хотя в словацкой поэзии

¹ Догнаны пишет Хомяков.

² Коллар, согласно Догнаному, «радовался тому, что славяне занимают большую территорию и их численность велика» [17. 9. 3. 1847, s. 453].

³ Догнаны присоединил в отрывку из стихотворения «России» еще один небольшой отрывок из другого, все еще не идентифицированного стихотворения Хомякова: «И другой стране смиренной / Полной веры и чудес / Бог отдаст судьбу вселенной, / Гром земли и глас небес» [17. 9. 3. 1847, s. 453].

⁴ Их творческое наследие нашло оценку лишь в XX веке. Переломом в этом отношении послужил сборник [25]. С этого момента интерес к объективной оценке этого направления постепенно возрастал. Вышли ранее не публиковавшиеся произведения «миссионеров», ряд исследований и монографий об отдельных представителях этого литературного направления (труды Л. Сомолаевой, Я. Гошчинской и др.).

⁵ Избранное М. М. Годжи вышло лишь в 2003 г. Редактором издания стал Павол Вонгрей.

в 1840–1850-е годы орел не раз приобретал неопределенные славянские контуры. Литературные журналы «Орел» и «Сокол» во второй половине XIX столетия воспринимались как продолжение этой традиции, однако его национальные признаки в XX в. постепенно исчезают, а если когда и проявляются, только на местном уровне.

Перевод со словацкого Е. П. Серапионовой

Список литературы

1. Künzli A. Die Funktion des Symbols in der Politik. Welt der Symbole. Hg. G. Benedetti – U. Rauschfleisch, Göttingen 2001.
2. Škvarna D. Začiatky moderných slovenských symbolov. K vytváraniu národnej identity od konca 18. do polovice 19. storočia. Banská Bystrica, 2004.
3. Францев В. А. Из истории славянской литературной взаимности. Коллар и русские ученые в Загребе (1840–1841) // Сборник русского института в Праге. 1929.
4. Рокина Г. В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998.
5. Петровский М. Н. «Славянский орел» Хомякова. Время и обстоятельства появления его в печати // Русский вестник. 1904. Январь.
6. Досталь М. Ю. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.
7. Cestopis obsahujúci cestu do Horní Itálie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko se zvláštním ohledem na slawjanské žiwly, roku 1841 konanou a sepsanou od Jana Kollára... Typ. Trattner – Károlyi. Pešť, 1843.
8. Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель. СПб., 1895.
9. Spisy Jana Kollára. Díl třetí. Cestopis obsahující cestu do Horní Itálie... / I. L. Kober. Praha, 1862.
10. Historický časopis. 54. 2006.
11. Panová E.. Vzťahy a konfrontácie. Ruská poézia v slovenskom literárnom a spoločenskom kontexte do roku 1918. Bratislava, 1977.
12. Panová E. Stopäťdesiat rokov slovensko-ruských literárnych vzťahov. Bratislava, 1994.
13. Встреча с Европой. Письма Василия Панова матери Марии Пановой из путешествия по Средней и Юго-Восточной Европе в 1841–1843 / под ред.: Т. Ивантышинова, М. Ю. Досталь. Bratislava, 1996.
14. Hodža M. Československý rozkol. Turčiansky Sv. Martin, 1902.
15. Listy Ľudovíta Štúra. I. (1834–1843). Bratislava, 1954.
16. Mišianik J. Pohľady do staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1974.
17. Orol Tatránski.
18. Хомяков А. С. Стихотворения. М., 1861.
19. Пыпин А. Н. Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3, 4.
20. Literárne múzeum A. S. Puškina (Partizánske-Brodzany). Imrich Sedlák, Juraj Chovan. Matiča slovenská: 1987.
21. Keby si počul všetky tie víchrice... / Ed. Pavol Vongrej. Tatran: Bratislava, 1966.
22. Slovenskje pohľadi na vedi umeňaja a literatúru. I., 1846.
23. Svetozár Hurban Vajanský. State o svetovej literatúre (A. S. Chomiakov) 2, Zlatý fond denníka Sme, 2011. Prístupné na internete Zlaty fond. Sme. sk.
24. Ivantyšinová T. Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40–60 roky XIX. storočia). Bratislava, Veda, 1987.
25. K problematike slovenského romantizmu, Martin, 1973.
26. Slovenské pohľady 1896, roč. XVI, roč. 8, Turč. Sv. Martin.

Поступила 5.09.2017; принята к публикации 5.10.2017

Ивантышинова Татьяна, Исторический институт Словацкой академии наук, г. Братислава, Словацкая Республика, *ivantyshynova.tatiana@gmail.com*

**“EAGLE” BY A. S. CHOMIAKOV AND SYMBOLS
OF THE SLOVAK NATIONAL MOVEMENT OF THE XIX CENTURY**

T. Ivantyshinova

Symbols were an important part in development of modern nations. Among the sources of inspiration nature and its portrait in folk lore (image of birds of prey in Tatras) was also. The poem “Eagle” by A. S. Chomiakov, where the author implored the midnight eagle (Russia) not to forget his younger brothers, has become very popular among Slovaks in first half of 19th century. The poem was published 1843 by Ján Kollár in his Diary of Travel to Upper Italy (written by Roman letters in Russian language). The publication aroused some anxiety, especially among followers of L. Štúr. The book was modified and the poem by A. S. Chomiakov removed. However, it was already rooted in awareness of Slovaks and was disseminated via transcripts. The symbol of an eagle from Tatras was extremely frequent in appendix of Slovak National Newspapers 1845–1847) *Orol Tatránski*. Title page of second volume featured a quote from the poem “Eagle” by A. S. Chomiakov as a motto. Based on that various researchers assumed that the edition was influenced by ideas of Chomiakov. An analysis on content does not confirm that. Eagle from Tatras (*Orol Tatránski*) is until these days understood only as national symbol of Slovaks. *Orol Tatránski* published by Štúr was very important especially during the development of national identity of Slovaks. Slaviano-philes left distinct mark in development of Slovak culture in 19th century, not only in poetry (Chomiakov was one of the most often translated Russian poets of that time) but also in philosophy, religion and history. “Midnight Eagle” of Chomiakov was a symbol that without doubt had the most significant impact on Russophile feelings in Slovak society. At the end of the XIX century, the predominant oriental orientation of the cultural and political elite of Slovak society had changed. The “Northern Eagle” loses its former mobilization role and is gradually ousted from the consciousness of the Slovaks.

Ключевые слова: Symbols, Slovak national identity, A. S. Chomiakov’s eagle, L. Štúr “*Orol Tatránsky*”, Slovak Russophile.

Acknowledgements: the article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Ivantyshinova T. A. S. Chomiakov’s “Eagle” and symbols in Slovak National Movement in 19th century. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 65–78. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-65-78

References

1. Künzli A. Die Funktion des Symbols in der Politik. *Welt der Symbole*. Hg. G. Benedetti – U. Rauschfleisch, Göttingen 2001.
2. Škvarna D. Začiatky moderných slovenských symbolov. K vytváraniu národnej identity od konca 18. do polovice 19. Storočia [The beginnings of modern Slovak symbols. To create a national identity from the late 18th to the middle of the 19th century]. Banská Bystrica, 2004. (In Slovak.).

3. Frantsev V. A. Iz istorii slavyanskoj literaturnoi vzaimnosti. Kollar i russkie uchenye v Zagrebe (1840–1841) [From the history of Slavic literary reciprocity. Collar and Russian scientists in Zagreb (1840–1841)]. *Sbornik ruskogo instituta v Prage* = Collection of the Russian Institute in Prague, 1929. (In Russ.).
4. Rokina G. V. Yan Kollar i Rossiya: istoriya idei slavyanskoj vzaimnosti v rossiiskom obshchestve pervoi poloviny XIX v. [Jan Kollar and Russia: the history of the idea of Slavic reciprocity in the Russian society of the first half of the nineteenth century] Ioshkar-Ola, 1998. (In Russ.).
5. Petrovskii M. N. “Slavyanskii orel” Khomyakova. Vremya i obstoyatel'stva poyavleniya ego v pechati [“Slavic Eagle” Khomyakova. Time and circumstances of its appearance in the press]. *Russkii vestnik*, 1904, Yanvar'. (In Russ.).
6. Dostal' M. Yu. Sreznevskii i ego svyazi s chekhami i slovakami [Sreznevsky and his connections with the Czechs and Slovaks]. Moscow, 2003. (In Russ.).
7. Cestopis obsahující cestu do Horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko se zvláštním ohledem na slawjanské žiwly, roku 1841 konanou a sepsanou od Jana Kollára... [A journey to Upper Italy and from there through Tyrol and Bavaria, with special regard to the Slavs of the Slavs, in 1841 held and written by Jan Kollar ...]. Typ. Trattner – Károlyi. Pešť, 1843. (In Slovak.).
8. Putevye pis'ma I. I. Sreznevskogo iz slavyanskikh zemel' [Travel letters II Sreznevsky from the Slavic lands]. Saint Petersburg, 1895. (In Russ.).
9. Spisy Jana Kollára. Díl třetí. Cestopis obsahující cestu do Horní Itálie ... [Jan Kollár's writings. Part Three. A travel book that includes a trip to Upper Italy...]. I. L. Kober. Praha, 1862. (In Czech.).
10. Historický časopis [Historical magazine]. 54. 2006. (In Slovak.).
11. Panová E. Vzťahy a konfrontácie. Ruská poézia v slovenskom literárnom a spoločenskom kontexte do roku 1918 [Relationships and confrontation. Russian poetry in the Slovak literary and social context until 1918]. Bratislava, 1977. (In Slovak.).
12. Panová E. Stopäťdesiat rokov slovensko-ruských literárnych vzťahov [Fifty years of Slovak-Russian literary relations]. Bratislava, 1994. (In Slovak.).
13. Vstrecha s Evropoi. Pis'ma Vasiliya Panova materi Marii Panovoi iz puteshestviya po Srednei i Yugo-Vostochnoi Evrope v 1841–1843 [Meeting with Europe. Vasily Panov's letters to Mother Maria Panova from her journey through Middle and South-Eastern Europe in 1841–1843]. Ed. by: T. Ivantyshinova, M. Yu. Dostal'. Bratislava, 1996. (In Russ.).
14. Hodža M. Československý rozkol [Czechoslovakian split]. Turčiansky Sv. Martin, 1902. (In Slovak.).
15. Listy Ludovíta Štúra. I. (1834–1843). Bratislava, 1954. (In Slovak.).
16. Mišianik J. Pohľady do staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1974. (In Slovak.).
17. Orol Tatránski. (In Slovak.).
18. Khomyakov A. S. Stikhotvoreniya [Poetry]. Moscow, 1861. (In Russ.).
19. Pypin A. N. Dva mesyatsa v Prage [Two months in Prague]. *Sovremennik*, 1859, no. 3, 4. (In Russ.).
20. Literárne múzeum A. S. Puškina (Partizánske- Brodzany). Imrich Sedlák, Juraj Chovan. Matica slovenská, 1987. (In Slovak.).
21. Keby si počul všetky tie víchrice... Ed. Pavol Vongrej. Tatran: Bratislava, 1966. (In Slovak.).
22. Slovenskje pohľadi na vedi umeňja a literatúru, I., 1846. (In Slovak.).
23. Svetozár Hurban Vajanský. State o svetovej literatúre (A. S. Chomiakov) 2, Zlatý fond denníka Sme, 2011. Prístupné na internete Zlatý fond. Sme. sk. (In Slovak.).
24. Ivantyšynová T. Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40–60 roky XIX. storočia) [Czechs and Slovaks in the ideology of Russian Slavophilism (40–60s of the 19th century)]. Bratislava, Veda, 1987. (In Slovak.).
25. K problematike slovenského romantizmu [The issue of Slovak romanticism]. Martin, 1973. (In Slovak.).
26. Slovenské pohľady 1896, roč. XVI, roč. 8, Turč. Sv. Martin. (In Slovak.).

Submitted 5.09.2017; revised 5.10.2017

Tat'yana Ivantyshinova, Slovak Academy of Sciences, Institute of History, Slovak Republic, Bratislava, ivantyshynova.tatiana@gmail.com